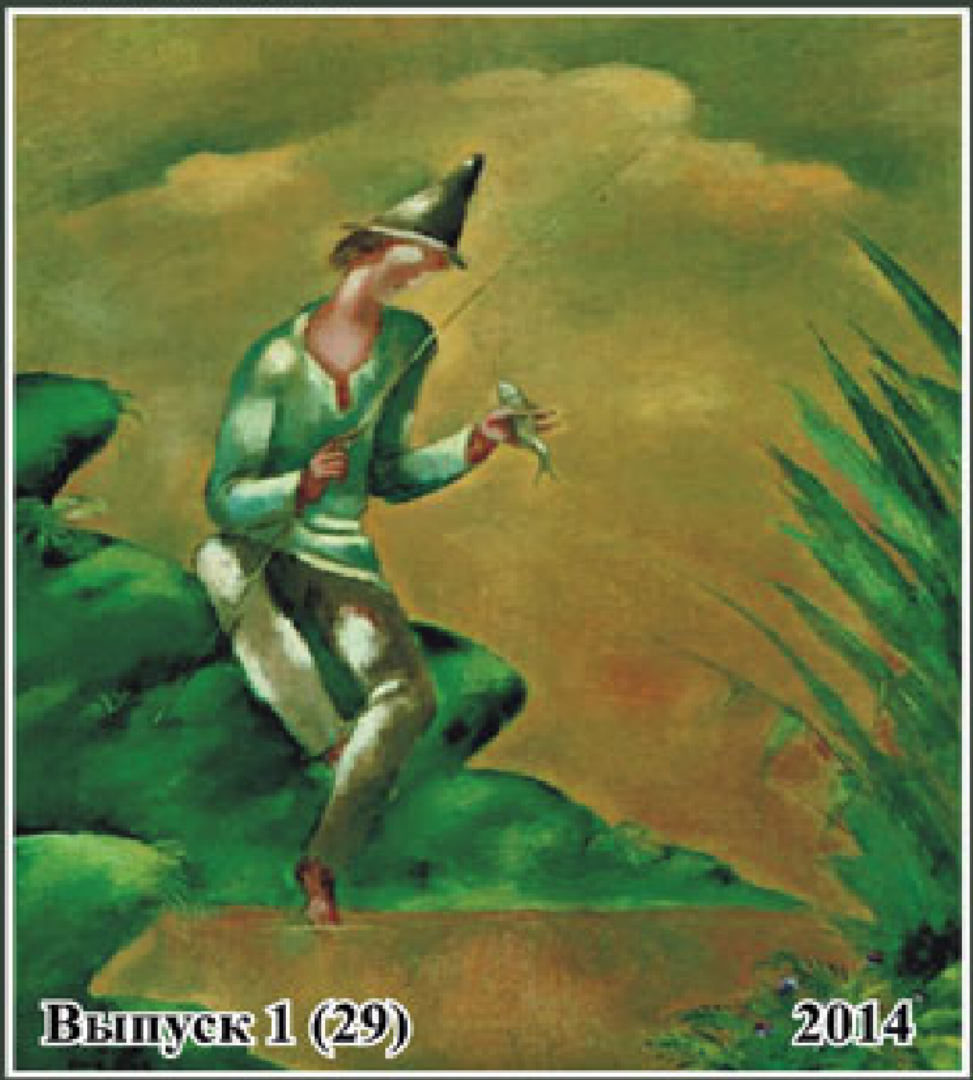
ВРЕМЯ И МЕСТО

Международный литературно-художественный и общественно-политический журнал



Выпуск 1 (29) 2014

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Владимир Матлин половину жизни — 40 лет — прожил в СССР (в Москве), вторую половину — в Америке (в Вашингтоне). Окончил Московский юридический институт, работал адвокатом, постепенно переключился на журналистику. Был редактором и сценаристом на киностудии Центрнаучфильм. Эмигрировал в 1973 году, более двадцати лет проработал на “Голосе Америки“. В эмиграции начал публиковать рассказы и повести: сначала в американских русскоязычных журналах, затем в России. Издал семь сборников рассказов и повестей.

- Владимир Матлин (Мартин)

Владимир Матлин (Мартин)
Как я работал на “Голосе Америки”
Субъективные воспоминания

Этот день, 10 мая 1975 года, не забуду никогда. Такого полного, пьянящего счастья я не испытывал ни до того, ни после. Я летел на самолете из Лос-Анджелеса в Вашингтон, и мне казалось, что лечу я по небу без всякого самолета, и ангелы своими шелковистыми крыльями похлопывают меня по спине — давай, парень, жми!.. На следующий день, в девять утра, я должен был явиться в кабинет главы советского отделения “Голоса Америки“, куда я был принят в штат на постоянную работу.

Ощущение нереальности всего происходящего со мной будет хотя бы отчасти понятно, если я скажу, что всего лишь год и десять месяцев до этого дня я сидел у себя дома в Москве, на Черкизовской улице, и слушал… нет, пытался слушать этот самый “Голос“. Боже, что я только не выделывал со своей “спидолой“: прикладывал к водопроводной трубе, высовывал в форточку, ложился с ней на пол и залезал на шкаф… Вотще! Проклятое глушение было почти непробиваемо. Почти. Какие-то крохи информации все же доходили, если проявить настойчивость… В общем, сам факт моего отъезда в ту эпоху уже говорит о том, что в политическим отношении советским теленком я не был, кое-что знал и про Америку, и про советскую реальную жизнь. Спасибо “Голосу“ и многотерпеливой “спидоле“…

И вот с завтрашнего дня я сам становлюсь вроде составной части этого голоса… Было отчего взлететь на небо.

Я пришел на радиостанцию в то время, когда там работали титаны старшего поколения, зачинатели русской службы. Я знал их имена и узнавал их голоса по радио, а теперь знакомился с ними лично: Константин Григорович-Барский, Виктор Французов, Кирилл Аллен, Людмила Чернова, Алексей Рети… Они встретили нас благожелательно, с интересом расспрашивали о жизни в Советском Союзе. Я пишу “нас“, поскольку одновременно со мной на “Голос“ были приняты и другие работники из числа новейших эмигрантов “третьей волны“, как нас стали обозначать. (Первая эмиграционная волна относится к годам революции и гражданской войны, вторая — ко времени Второй мировой войны и сразу после нее). Специально для этого Конгресс США сделал исключение из правила, в силу которого на государственную

службу разрешалось принимать только американских граждан. Первыми из “третьей волны“ были приняты Люсьен Фикс, Борис Гольдберг, Лев Балк. Потом я, годом позже — моя жена Аня, выступавшая под своей девичьей фамилией Друкер. Еще позже пришел музыковед и знаток бардовской поэзии Володя Фрумкин, мой ближайший друг по сей день.

Вообще говоря, кадровый состав русской службы был в то время весьма пестрым. Немало было тех, кто родился уже за границей, русский язык выучил дома, с помощью родителей. Среди них попадались потомки аристократических родов. У нас в отделе, к примеру, работал князь Олег Волконский — симпатичный молодой человек, как-то до смешного похожий на аристократа из анекдотов про Дениса Давыдова. Мы соседствовали с ним первые месяцы моей службы на “Голосе“, пока не приехала моя семья, и частенько выпивали после работы. У него семьи не было, тогда он был принципиальным холостяком, но в сорок лет женился на 19-летней девице.

Он жил в Америке давно, но принимать американское гражданство не хотел, всю жизнь оставался подданным Ее Величества Британской королевы. По простой причине: американский закон, в отличие от британского, не признает титулов, а Олег гордился своим княжеским происхождением.

Как-то коротая вечер за бутылкой, мы заговорили о гражданской войне в России. Он сказал, что в 1919 году его дед (или брат деда) князь Волконский оборонял Киев от красных. И тут я вспомнил, что в одной из красных дивизий, наступавших на Киев, комиссаром был Аркадий Ильин, двоюродный брат моего отца. Собственно говоря, Ильин — это его партийный псевдоним, настоящее имя Арон Матлин. Мы с Олегом горестно вздохнули и выпили за упокой души обоих предков — мы оба понимали, что в той войне никто не был прав или виноват, а злом была сама война…

И все же появление на радиостанции новых эмигрантов не прошло совсем уж безоблачно и гладко. Нашлась группа людей, у которых наш приход вызвал крайне неодобрительную реакцию. Это были молодые американцы, изучавшие русский язык в американских университетах и связывавшие свое будущее с карьерой на “Голосе“. Они моментально увидели, что не могут конкурировать с нами в знании языка и российской жизни. В результате появилось коллективное письмо в дирекцию радиостанции, в котором говорилось, что администрация допустила ошибку, приняв на работу “этих людей“. Кто знает, что это за люди и с какой целью они здесь появились, говорилось в письме. Может, это сплошь КГБэшники, засланные к нам, чтобы

разрушить службу. Да и английского языка они как следует не знают.

Английский мы действительно знали слабо, но ведь программы составлялись и ввелись на русском языке, а тут уж, извините…

Об этом незначительном эпизоде я упомянул, в основном, для того, чтобы отметить великодушие и благородство, с которыми реагировало на “молодежное восстание“ большинство наших коллег. Многие сотрудники, которым предлагали подписать письмо, наотрез отказались, другие подходили к нам, чтобы выразить свою солидарность. Тогдашний старший редактор русской службы Константин Петрович Григорович-Барский собрал нас, новых сотрудников, у себя в кабинете, ознакомил с содержанием письма и заверил, что администрация “Голоса“ решительно осуждает как письмо, так и его авторов. Нам полностью доверяют и ожидают от нас хорошей работы. Дирекция сделает все возможное… и т. д.

Справедливый и доброжелательный, Константин Григорович-Барский (по первым буквам — КГБ, он любил эту шутку) пользовался всеобщим уважением. В общении с сотрудниками он был прост и демократичен. Как-то он сказал мне: “Да что вы все по отчеству? Меня друзья зовут Кот-Барский, я привык так“. В совершенный восторг привел его тот факт, что Аня, моя жена, родилась в украинском городке Баре (Винницкая область). “Значит, земляки?“. Да, в каком-то смысле земляки, только дворянский род Григоровичей-Барских когда-то владел этим городом, тогда как Анины предки были там портными… Впрочем, это не мешало нашим самым сердечным отношениям.

Если говорить о знаменитых сотрудниках “Голоса Америки“, то, конечно, первым нужно назвать человека, чей голос во многих странах мира стал символом Америки — Уиллиса Коновера, автора и продюсера джазовых программ на протяжении сорока лет. Особенно популярен он был среди молодежи в Советском Союзе и Восточной Европе. Помню, в Москве ему подражали все, кто пытался говорить по-английски, особенно студенты, изучавшие иностранные языки. В шутку говорили, что если бы в России происходили свободные выборы, президентом выбрали Коновера. Он был один из очень немногих журналистов “Голоса“, известных и в Америке: он выступал продюсером и ведущим ряда джазовых фестивалей, в частности, Ньюпортского. Едва ли не все знаменитые музыканты джаза были его друзьями.

Повидать его не составляло труда: где “парти“, там Уиллис. Высокий, в модном пиджаке, он на различных “парти“ обычно скромно стоял в сторонке, с неизменной улыбкой на лице и

бутылкой пива в руке. Вокруг него толпились люди. Он охотно вступал в беседу, шутил, смеялся. Помню, первый раз я подошел к нему и протянул программку джазового фестиваля, состоявшегося в клубе Московского института инженеров транспорта в 1967 году. На программке красовался его автограф. Он обрадовался несказанно. Не буду утверждать, что он меня узнал — автограф у него брали тогда сотни людей — но с энтузиазмом заговорил со мной о московских джазменах — Пономареве, Сермакашеве, Лукьянове, Гараняне, Козлове, Чугунове, Высоцком, Брилле и других — некоторых я знал лично. Коновера радовало, что работая в столь трудных условиях, советские джазовые музыканты держат высокий уровень искусства.

С первой же встречи у нас с Уиллисом установились самые добрые отношения, чему немало способствовало и то, что на протяжении многих лет его радиоинженером работал брат моей жены Ефим Друкер, сам большой любитель и знаток джаза.

Погубило Коновера курение — из-за него начался рак горла, который и свел его в могилу после тяжелой болезни в возрасте 75 лет. За три года до своей кончины Уллис женился на молодой эмигрантке-китаянке, которая влюбилась в него заочно, по радио, когда еще жила в Китае. Программы Коновера, как видно, были популярны не только в Восточной Европе.

Меня “приписали“ к отделу культуры. Это значило, что мне поручалась какая-то постоянная тематическая программа, но и новости я должен был писать и читать в эфир, и интервьюировать людей, и передачи вести, и скрипты озвучивать, и сообщения с мест передавать — в общем, весь круг обязанностей радиожурналиста. Что касается тематической программы, то Л.С. Оболенская, руководитель отдела, предложила мне заняться “Обзором религиозной жизни“.

Это была довольно странная программа. Начать с того, что она должна была уделять внимание всем существующим в Америке религиям. Понятно, что преобладали материалы самого общего значения: какие у кого праздники, какие события в той или иной церкви, как складывается бюджет религиозных школ и т. п. Сути религии, основ вероучения программа не касалась. Да и откуда мог взяться такой универсал, чтобы компетентно говорить сегодня о триединстве Бога, завтра о кошерной пище, а послезавтра о двенадцатом сокрытом имаме?

А я знал, как там, за железным занавесом, люди стремятся к вере. Сам я вырос в абсолютно атеистическом окружении, и когда во мне пробудился интерес, вернее, потребность в религии, найти

надежные источники информации было очень непросто. Помню, с каким трудом я достал Библию. И вот теперь я оказался в состоянии помочь людям, ищущим Бога. Я ощущал это как огромную ответственность.

На самом деле, положение было весьма пикантным. Допустим, к работе над еврейской частью программы я все же был хоть в минимальной степени подготовлен — все полтора года, которые я прожил в Лос-Анджелесе до поступления на радиостанцию, я изучал Тору под руководством хасидского раввина Эстулина. Конечно, большим знатоком я не стал, но “ликбез“ все же прошел. Хуже было с христианской частью (не говоря уже о других религиях) — мало того, что я почти ничего не знал, я чувствовал себя, что называется, не в своей тарелке.

К нам на радиостанцию то и дело приходили письма, авторы которых, мягко говоря, недоумевали по тому поводу, что православную программу ведет еврей.

На это я официальным образом обратил внимание руководителей русской службы. Они и сами прекрасно понимали неловкость подобной ситуации. В общем, начальство твердо обещало в самый короткий срок оставить меня только на еврейской программе, заменив на всех остальных. А пока мне в помощь были наняты вне штата два православных священника: архиерей Кирилл Фотиев из Нью-Йорка и архиепископ Сан-Францисский Иоанн, которые отнеслись ко мне очень по-доброму. Бережно храню подаренный архиепископом экземпляр его книги с трогательной надписью. А отец Кирилл оказался прекрасным, весьма эрудированным собеседником и приятным собутыльником.

Редкий случай, когда начальство держит обещание: некоторое время спустя в штат “Голоса“ был принят молодой священник Виктор Потапов, он навсегда освободил меня от “чужих богов“. Шутка, конечно. А всерьез замечу, что когда религиозную программу, включая еврейскую часть, до моего прихода вел христианин, ни одного протестующего письма ни от одного еврея не поступило. Любопытно, правда?

Первое десятилетие моей работы на “Голосе Америки“ — восьмидесятые годы, время Рейгана, время победы над коммунизмом. Кем бы ни были сотрудники радиостанции по своему происхождению, возрасту, религии — мы все знали, что противоборствуя коммунизму, мы делаем великое дело. Удивляло, однако, отношение некоторых (многих, честно говоря) американцев к “своему голосу“. Речь идет в первую очередь об американских либералах. Политическая корректность

стремительно набирала силу, а одна из ее догм гласит, что все несчастья страны проистекают от правительства, — оно не бывает хорошим, оно по определению зло, особенно если оно республиканское.

Помню, как в самом начале моей американской жизни я попал на прием в очень богатый дом, хозяйка которого, пламенная либералка, с гордостью сказала: “Мы всегда воюем с правительством“. Она была уверена, что найдет у меня поддержку: я ведь тоже не любил “свое“, т. е. советское правительство. А если правительство делает что-нибудь хорошее? Она посмотрела на меня как на безнадежного идиота: так не бывает никогда.

“Голос Америки“ — правительственная организация, и это сказывается на его положении. Дело не в том, что его не любят либералы, это можно пережить, но, к примеру, его программы транслируются так, что их невозможно принимать на американской территории. Этот факт буквально сшибает с ног новых эмигрантов. Казалось бы, где еще послушать “Голос“, как не в Америке?.. А вот нет: правительственная радиостанция по закону не имеет права участвовать в политической жизни внутри страны. А разреши — так она будет пропагандировать политику правящей партии, так ведь? В общем, если вдуматься, в этом есть смысл.

Программы “Голоса” предназначены для заграницы — непреложная истина, и когда у нашего микрофона выступает государственный деятель или крупный политик, он знает об этом, однако не было случая, чтобы кто-то отказался дать интервью. Вот с деятелями литературы и искусства бывало сложнее, поскольку почти все они либералы и автоматические противники всего правительственного. Расскажу в этой связи одну историю.

Русские читатели старшего поколения помнят такого американского писателя — Говарда Фаста. В шестидесятых годах его произведения охотно печатались в Советском Союзе, поскольку соответствовали строгим требованиям официальной советской идеологии. Их автор был коммунистом, ненавидел капитализм, сочувствовал советской политике. Все было хорошо до тех пор, пока Говард Фаст не осудил публично подавление венгерского восстания советскими танками. Это привело к ссоре с коммунистами и к выходу писателя из американской компартии.

И вот однажды (дело было, помнится, в середине восьмидесятых годов) призывает меня начальство и велит отправляться в Роквилл, в Еврейский общественный центр Большого Вашингтона, где известный писатель Говард Фаст выступает перед читателями. Мне надлежало описать встречу и

взять интервью у писателя.

Откровенно скажу, такое поручение — провести интервью — встречаешь не всегда с удовольствием. Но одно дело отправиться на интервью с каким-нибудь деятелем, чье имя слышишь впервые, а другое дело — со знаменитым, со школьных времен почитаемым и читаемым автором. Особый интерес я испытывал к нему еще и потому, что отлично помнил скандал, разразившийся после его выхода из американской компартии. Помнил статейки в советских газетах с непременным смакованием еврейского происхождения Фаста — до того он считался «просто американцем», многие и не догадывались, что он еврей. Известный в те времена литературный погромщик Николай Грибачев (кто-нибудь помнит такого?) рекомендовал бывшему коммунисту Фасту «идти в синагогу по примеру своих предков». Не потому, конечно, что Фаст — верующий, а чтобы ясно было, кто есть кто… В общем, я чувствовал в нем своего, родного, тоже беженца от антисемитского коммунизма, как мы, тогдашние эмигранты. Вот уж с ним-то есть о чем поговорить, вот уж с ним-то у меня найдется много общего, думал я. И ой как ошибся…

Встреча с читателями была посвящена выходу новой книги Говарда Фаста — не помню, к сожалению, какой именно. Но о книге писатель сказал как-то между прочим, почти вскользь, а главное время и главные силы обратил на политическую ситуацию в стране в связи с приближавшимися президентскими выборами. Его политические симпатии были на стороне демократов, но говорил он больше всего о политическом противнике — кандидате республиканцев Рональде Рейгане. Боже, с какой страстью, с какими передержками, с какой поистине коммунистической нетерпимостью! Он утверждал, что Рейган — это неизбежная мировая война, всеобщий крах, смерть. Что касается личности президента, Фаст без стеснения называл его глупцом и невеждой, в жизни не прочитавшим ни одной книги. Наполнявшие аудиторию еврейские дедушки-бабушки, традиционно голосующие за демократов, — и те, мне казалось, были шокированы большевистской прямолинейностью оратора: что ни говори, они были, в основном, мягкосердечными либералами, а не твердокаменными коммунистами…

Как только этот, по сути дела, предвыборный митинг закончился, я подбежал к писателю и попросил интервью.

— Из какой вы газеты?

— Я из «Голоса Америки»

— Что?! — громыхнул писатель, и душа у меня ушла в пятки. — Ну нет, фашистской радиостанции я интервью не дам.

— Почему же фашистской? — я искренне недоумевал.

— Да потому, что вами руководит ЦРУ!

Это меня задело:

— Во-первых, мы входим в Информационное агентство, а не в ЦРУ. А потом… да хоть бы и ЦРУ — это же все-таки не КГБ…

Тут он взвился по-настоящему. В короткой страстной речи он объяснил мне, что ЦРУ вместе с Пентагоном пытается установить фашистский режим и разжигает мировую войну, что миролюбивый Советский Союз столько-то раз предлагал разоружиться, но американское правительство отказывалось.

— И правильно, что отказывалось. Уж вы-то должны знать, что коммунистам верить нельзя.

Судя по всему, он воспринял это как личное оскорбление. Оттолкнув микрофон, он поднялся с места. Как говорят в таких случаях, аудиенция была окончена…

Вот и все, на этом и заканчивается история моих личных отношений с американским писателем Говардом Фастом. Однако несостоявшаяся беседа крепко запомнилась мне, я то и дело вспоминаю о ней, наталкиваясь в печати на статьи так называемых «левых интеллигентов». Поразительно! Как же устроены их мозги: реальность для них как бы не существует! Усвоив однажды раз и навсегда, кто «хороший» и кто «плохой» в соответствии с коммунистической доктриной, они остаются на этой позиции, что бы ни происходило в мире.

За двадцать с лишним лет работы на “Голосе“ я провел огромное количество интервью с самыми разными людьми, в частности, почти со всеми видными участниками еврейского движения за эмиграцию — со Слепаком, Левичем, Бегуном, Щаранским, Нудель, Эдельштейном… всех не перечислить. И с американцами, поддерживавшими это движение — политиками, общественными деятелями, священниками… Среди них были яркие, смелые люди, с интересными идеями, но были, что называется, и наоборот… Самыми скованными, не оригинальными и предсказуемыми выглядели, как можно было ожидать, государственные деятели — эти всегда боятся сказать лишнее слово, как бы потом не упрекнули… В этой связи вспоминается такой случай.

Нашему сотруднику Х было поручено пойти на какое-то собрание, где должен был выступать влиятельный сенатор, и написать отчет о встрече. Надо сказать, что коллега Х не отличался большим рвением, а тут идти вечером на какое-то собрание… Он не пошел. Утром явился на работу, сел за свой стол и написал отчет. Конечно, с самого начала это была халтура: ни одной магнитофонной записи выступавших ораторов. Хотя

речь сенатора он пересказал довольно подробно.

И вот когда злополучное сообщение уже готовилось к выходу в эфир, стало известно, что собрание вчера не состоялось, его перенесли на сегодня. Разразился скандал. К счастью для коллеги Х, скандал не успел перекинутся в директорский кабинет, а то выгнали бы как пить дать. А на собрание послали другого сотрудника, который принес добросовестный отчет. И что же? Когда сверили придуманную коллегой Х сенаторскую речь с подлинной речью, записанной на магнитофон, различий почти не было…

Но запомнились и другие случаи, когда государственный деятель, выходя за рамки политической немоты, высказывал смелые мысли. Таким был премьер-министр Израиля Ицхак Шамир, с которым я встретился в Иерусалиме при следующих обстоятельствах.

12 сентября 1991 года президент США Джордж Буш заявил, что Израиль будет лишен американских кредитов, если не прекратит строительства еврейских поселений на контролируемых территориях. Израиль отказался подчиниться американским требованиям, возник очередной кризис в израильско-американских отношениях. 13 сентября, то есть на следующий день, я вылетел в Израиль. Конечно, у меня есть соблазн представить все так, что меня специально послали освещать кризис, но на самом деле поездка была запланирована давно — на конференцию по международному вещанию, и просто случайно так совпало. Но… Когда участники конференции встретились с премьер-министром, он согласился дать отдельное интервью только корреспонденту “Голоса Америки“, и вот это уже было не случайно.

Интервью проходило в резиденции премьер-министра, и касалось, естественно, израильско-американских отношений. Тот неприятный кризис уже принадлежит истории, и не стоит пересказывать, кто что тогда говорил. Когда тема была исчерпана, я попросил Шамира высказаться также о перспективе израильско-российских отношений, учитывая, что передача идет на Россию.

— Как вы представляете себе отношения с новой Россией? — спросил я.

Напомню, это был сентябрь 1991 года, время стремительных перемен в Советском Союзе.

— Новая Россия? Что вы имеете в виду?

— Новая некоммунистическая Россия. Россия Ельцина, — пояснил я.

Он грустно улыбнулся:

— А, Елцин-Шмелцин, новая-старая… Руссланд блайбт

Руссланд (Россия остается Россией — идиш).

Эти слова я вспоминал все последующие годы…

Помимо “Обзора еврейской жизни“, я в разное время вел несколько различных программ. Особо отметить хочется беседы на правовые темы, которые мне довелось вести с совершенно замечательным человеком — Диной Исааковной Каминской.

В прошлом видный московский адвокат, Дина Исааковна вызвала неудовольствие коммунистических властей своим участием в политических процессах 60-х годов. Она защищала известных диссидентов В.Буковского, Ю.Галанскова, Л.Богораз, Ан. Марченко, Мустафу Джамилева. Притом ее явно не устраивала та роль, которая предназначалась советским правосудиям для адвокатов в политических процессах: сожалеть по поводу заблуждений своего подзащитного и уповать на милосердие советского суда. Дина Исаковна не боялась говорить в лицо судьям, что по законам цивилизованного общества ее подзащитные ни в чем не виноваты. Как это не виноваты? А распространение самиздата? А демонстрация на Красной площади против действия советских войск в Чехословакии? В общем, с 1971 года Каминскую перестали допускать к политическим делам. Одновременно начались разного рода придирки, гонения, преследования. Последовали домашние обыски, допросы в КГБ, прямые угрозы. В результате в 1977 году Каминскую и ее мужа, видного правоведа К.М.Симиса, вынудили уехать из СССР.

В Америке Дина Исааковна продолжала свою правозащитную деятельность — уже в другой форме, конечно. Ее беседы на волнах русскоязычного иностранного радио несли слово разоблачительной правды относительно советской государственной и правовой системы. Ту же задачу мы ставили себе и в юридических беседах по “Голосу Америки“.

Работать с ней было несравнимым удовольствием. Да, она была близким мне по взглядам и духу человеком, но это не значило, что мы во всем соглашались. Случалось, спорили в эфире и весьма азартно. Она, к примеру, была убежденной противницей смертной казни, тогда как я считаю, что убийцу следует лишить жизни. Большие сомнения я стал с некоторых пор испытывать по поводу института присяжных заседателей, тогда как для Каминской это было одной из основ демократической судебной системы. Спорить с ней было интересно и поучительно. Образ этой смелой, доброй и мудрой женщины навсегда сохранится в моей памяти.

Рискну показаться нескромным, но скажу все же несколько слов о письмах, которые все мы, в том числе и я, получали от слушателей. Вначале, в годы плотного железного занавеса, это были случайные послания, брошенные в почтовый ящик какими-то попавшими временно за границу советскими гражданами — например, моряками торгового флота. Дорвавшись до такой возможности, они на чем свет стоит кляли коммунистический режим и жаловались на свое непосредственное начальство. Но со временем, с расширением эмиграции и заграничных поездок, стали приходить и более осмысленные письма, авторы которых не только критиковали советские реалии, но давали нам советы, на что обратить внимание в своих передачах. Хочу воспользоваться случаем и поблагодарить их за дельные советы, если кому-нибудь из писавших письма попадут на глаза эти строчки. Тем более, что и они нас часто благодарили за работу.

…В конце девяностых годов ситуация явно стала меняться. В России развились и окрепли свои собственные независимые средства массовой информации. Таким образом “Голос Америки“ утратил то, что называлось “монополией на правду“. Русские слушатели теперь предпочитали узнавать новости из российских средств информации, что нормально. “Голос“ потерял свою былое место в жизни российского общества. “Вас слушают все меньше“, — сказала мне как-то Елена Боннер. А ведь она всегда была другом “Голоса“…

К этому времени я и многие другие сотрудники моего поколения достигли пенсионного возраста. Самое время уйти. И мы ушли — с чувством выполненного долга: мы внесли свой вклад в победу над Империей Зла, угрожавшей всему миру и угнетавшей свой народ. А как освобожденный народ воспользуется своей свободой тут уж “Голос Америки“ ничего поделать не может…

Время и место № 1 (29), 2014